

Традиционное рыболовство как конфликт интересов аборигенных сообществ, бизнеса и власти¹

Вадим Анатольевич Тураев,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: v_turaev@mail.ru

В работе рассматриваются современные проблемы традиционного рыболовства коренных малочисленных народов Дальнего Востока, ведущегося в целях обеспечения традиционного образа жизни (для личного потребления) и осуществления традиционной хозяйственной деятельности (общинное рыболовство). Показаны основные препятствия реализации права коренных народов на традиционное рыболовство: маленькие квоты на вылов рыбы для собственных нужд, заявительный принцип предоставления квот, слабая материально-техническая база общин, отсутствие льготного кредитования, неразвитость рынка сбыта произведённой продукции, несовершенство законодательной и нормативной базы, на основе которой осуществляется традиционное рыболовство и др. Помимо объективных причин, во многом связанных со сменой экономической модели развития страны, негативное воздействие на рыболовство коренных народов оказывает конкурентная борьба, которую ведут с ним промышленные компании, часто (и далеко не бескорыстно) поддерживаемые чиновниками. Наступление на права коренных народов в области рыболовства ведётся по нескольким направлениям: отменено внеконкурсное предоставление промысловых участков, введена плата за водные биологические ресурсы, исключён принцип приоритетности их предоставления, в нормативные документы, на основе которых коренные народы занимаются добычей рыбы, вносятся изменения, усложняющие промысел. Звучат предложения уравнивать общины с промышленными предприятиями со всеми вытекающими отсюда последствиями — аукционами на общих условиях, многомиллионными платежами за промысловые участки и даже отказом от самого понятия «традиционное рыболовство». Попытки ограничить и даже ликвидировать общинное рыболовство в интересах крупного бизнеса квалифицируются в статье как один из видов дискриминации — лишение коренных народов возможности принимать участие в экономической жизни страны в доступных для них формах.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, Дальний Восток, традиционное рыболовство.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке программы Президиума ДВО РАН «Историко-культурные и этносоциальные основы исторического процесса на Дальнем Востоке». Проект № 15-19-006.

Traditional fishery as a conflict of interest among aboriginal communities, business and government.

Vadim Turaev, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: v_turaev@mail.ru.

The paper examines current issues of the traditional fishery of the indigenous peoples of the Far East which ensures a traditional way of life (for personal consumption) and a traditional economic activity (fishing community). The main problems of the rights of indigenous peoples to traditional fishing are shown: small fishing quotas for the personal use, a declarative principle of providing quotas, a poor material and technical community base, the lack of concessional lending, an undeveloped market for manufactured products, imperfection of the legislative and regulatory system in which traditional fishery is realized, etc. Apart from the objective reasons, largely related to the change of the economic model of the development of the country, a competitive activity which is conducted by industrial companies and often supported by not disinterested officials has a negative impact on the fishery of indigenous peoples. The crackdown on the fishing rights of indigenous peoples is conducted in many ways: the provision of non-competitive field areas is abolished, the charges for aquatic biological resources are introduced, the priority principle is excluded. Resistance to communal fishery is reflected in aggravation of normative documents which allow the indigenous peoples to be involved in fish production. There are proposals to equalize communities and industrial enterprises with the following consequences: auctions under general conditions, multimillion payments for field areas and cancellation of the concept of “traditional fishery”. The attempts to restrict and even to eliminate communal fishing for business purposes is considered in the article as one of the types of discrimination — deprivation of the indigenous peoples to participate in the economic life of the country.

Keywords: indigenous peoples, Far East, traditional fishery.

Рыболовство — важнейшая отрасль традиционного хозяйства коренных малочисленных народов, с которой в настоящее время тесно связаны и их благополучие, и их проблемы. Особенно велика его роль в жизни коренных этносов Камчатки, Сахалина и Хабаровского края. Рыболовство выполняет здесь две важнейшие функции: удовлетворение основных потребностей коренного населения в продуктах питания и обеспечение возможности его участия в экономической жизни страны и региона. Первая функция сложилась исторически. Рыболовство всегда являлось основой существования большинства аборигенов Дальнего Востока, определяло их образ жизни. Вторая оформилась в годы советской власти, когда коряки, ительмены, нанайцы, нивхи и другие народы были объединены в рыболовческие колхозы, которые очень скоро стали весьма значимыми поставщиками рыбной продукции в регионе.

По мере того как рыболовческие артели переходили к освоению новых пород и районов лова, как росла доходность такой работы, занятость коренных народов в рыболовстве сокращалась. В колхозах Хабаровского края

в 1980-х гг. непосредственно на добыче и обработке рыбы было задействовано лишь 17% колхозников-северян. В 10 колхозах из 19 в промысловых бригадах не было ни одного представителя народов Севера [3, с. 180—181].

Процесс вытеснения из рыболовства воспринимался аборигенами болезненно, и потому в условиях перестройки среди них развернулось движение за право самостоятельно осуществлять эту деятельность. Конкретным его проявлением стало создание общин и других хозяйственных объединений, основой своей деятельности определивших рыболовство. По мере усиления процесса разгосударствления экономики увеличивалась безработица и ухудшалось материальное положение коренных народов, число общин росло. При этом они стали восприниматься не только как форма самоорганизации коренных этносов в хозяйственной жизни, но и как важнейший инструмент жизнеобеспечения. К 1995 г. на Сахалине, в Магаданской области, Корякском автономном округе и Хабаровском крае возникло более 400 аборигенных хозяйств, ориентированных на добычу рыбы [8, с. 147; 12, с. 91]. Интерес к рыболовству вызвало изменение численности дальневосточных лососей, особенно кеты и горбуши. Находившиеся долгое время в состоянии депрессии, к началу 1990-х гг. лососёвые резко увеличили свою численность, их добыча стала экономически выгодной.

Рыболовство — отрасль традиционного хозяйства на Дальнем Востоке, приносящая наибольший доход. Уже по этой причине оно оказалось в центре интересов не только аборигенов, но и других жителей региона. Разгосударствление рыбной отрасли Дальнего Востока шло путём реформирования предприятий, создания новых, основанных на негосударственных формах собственности. Число организаций и предприятий, занимающихся рыболовством, выросло в десятки раз. Интерес к рыболовству на Дальнем Востоке проявляют жители других регионов страны, иностранцы, а потому на этом поле развернулась конкурентная борьба, заложником которой и стало рыболовство коренных народов.

ОБЩИНА КАК СУБЪЕКТ ТРАДИЦИОННОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Признавать аборигенов равноправными участниками экономических отношений в области рыболовства государство с самого начала было не очень готово. Вероятно потому, что не верило в их силы, в то, что общины могут стать реальными хозяйствующими субъектами, возможно, потому, что традиционному хозяйству коренных народов, по представлениям реформаторов, вообще не место в системе рыночных отношений. Как бы то ни было, для коренных этносов изобрели особый вид рыболовства — рыболовство в целях осуществления традиционной хозяйственной деятельности и традиционного образа жизни.

Следует сказать, что подобная «формула» для современного аборигенного промысла родилась несколько позже, чем стали создаваться общины.

Те из них, что появились в 1992—1993 гг., зачастую рассматривались как форма этнического предпринимательства, воспринимались как альтернатива существующим совхозам и колхозам. Предполагалось, что со временем они могут стать полноценными предприятиями рыбной отрасли. Если в ходе приватизации общинам удавалось закрепить за собой соответствующую материально-техническую базу, они получали неплохие стартовые условия для своего развития, чему в немалой степени способствовало и законодательство, защищавшее права коренных народов и их организаций. За ними на сравнительно долгий срок (до 49 лет) закрепляли промышленные участки, земельный налог за которые не взимался; им выдавали промышленные лимиты на вылов рыбы; прибыль, полученная от производства традиционной продукции, не облагалась налогами. В соответствии с региональным законодательством, многие из таких организаций имели статус национальных предприятий или хозяйствующих субъектов аборигенов, что давало дополнительные преференции (грантовая поддержка, льготное кредитование, инвестиции в развитие и др.).

К сожалению, абсолютное большинство созданных в те годы аборигенных предприятий разных организационно-правовых форм просуществовало недолго. Отсутствие финансовых средств, проблемы с рынком сбыта, слабая материально-техническая база не позволяли общинам осваивать выделяемые лимиты, что в глазах власти обесценивало их существование как субъектов рыночных отношений. Почти все общины и национальные предприятия, возникшие в первой половине 90-х гг. и ориентированные на промышленный лов, прекратили работу уже через несколько лет. В Охинском районе Сахалинской области, например, из 57 общин «первого призыва» в настоящее время относительно успешно работает лишь одна.

Число общин, ориентированных на рыболовство в целях осуществления традиционной хозяйственной деятельности, начало расти в 2000-е гг. Этому способствовало появление Закона РФ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» (2000 г.), однако истиной причиной стало катастрофическое обнищание коренного населения. Практически все советские хозяйства к этому времени прекратили деятельность, созданные на их базе предприятия и организации в массовом порядке закрывались. В этих условиях общинная форма организации хозяйственной жизни воспринималась как способ выживания, тем более что вышеупомянутый закон в известной мере гарантировал права коренных народов на такую форму существования.

К началу 2000-х гг. окончательно определилась и государственная политика по отношению к коренным малочисленным народам. Государство решило ориентировать аборигенные сообщества на самообеспечение (традиционный образ жизни), взяло курс на строительство новых — партнёрских — отношений с коренными этносами. Субъектом таких отношений и должны были стать общины. К возрождению традиционного образа жизни сводилась суть Закона «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока».

В федеральном законодательстве понятие «традиционный образ жизни» определяется как «исторически сложившийся способ жизнедеятельности малочисленных народов, основанный на историческом опыте их предков в области природопользования, самобытной социальной организации проживания, самобытной культуры, сохранения обычаев и верований» [11]. Соответственно, и рыболовство в целях осуществления традиционной хозяйственной деятельности и традиционного образа жизни стало рассматриваться как рыболовство для удовлетворения насущных нужд.

По своему статусу общины — некоммерческие организации, функционирующие в соответствии с Федеральным законом «О некоммерческих организациях». В Хабаровском крае они признаны социально ориентированными организациями. Существуют два вида общин: родовые (РО) и территориально-соседские (ТСО). Преобладают родовые (семейные) общины. В Корякском округе в 2010 г. территориально-соседскими были лишь 16 общин из 132, в Николаевском районе Хабаровского края 2 из 14. Иногда родовая община — это действительно семейный коллектив, чаще — объединение родственников. Численный состав общин, как правило, не велик. В Хабаровском крае в 2011 г. в 148 общинах числилось 900 чел. На пути общины нанимают дополнительных рабочих. В зависимости от полученных квот их может быть от одного до нескольких десятков. С учётом сезонного найма состав общин увеличивается в 2—3 раза. В Хабаровском крае, например, в среднем за год в общинах занято 2200 чел. [2, с. 114]. Нижний предел заработной платы сезонных рабочих — минимальная оплата труда, установленная для того или иного района. Меньше платить общины не имеют права.

В этническом отношении родовые общины обычно представлены лицами коренных национальностей, состав территориально-соседских общин более разнообразен. В ТСО «Пандь Миф» и «Озерпах» Николаевского района Хабаровского края, например, в 2008 г. представителей коренных народов было менее 50%. Встречаются и родовые общины, в которых коренные народы в явном меньшинстве. В том же Николаевском районе в РО «Пила чах» всего один представитель коренного населения.

Этнический состав общин вызывает у чиновников от рыболовства много вопросов. Наличие в нём представителей других народов рассматривается нередко как торговля аборигенов своими преимуществами в области рыболовства. Совсем отрицать такое явление было бы неверным. Известны далеко не единичные случаи, когда от имени коренных малочисленных этносов регистрируются общины, которые к аборигенам никакого отношения не имеют. Проблема, однако, не так проста. За годы советской власти коренное и приезжее население сильно перемешалось. Люди живут вместе десятилетиями, занимаются одним делом, многие породнились. Широкое распространение смешанных в этническом отношении браков привело к тому, что сегодня даже члены одной семьи могут иметь разные национальности. В таких условиях этническая принадлежность ни о чём не говорит. К тому же Закон «Об общих принципах организации

общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» предусматривает, что членами общины могут быть и лица, не относящиеся к коренным малочисленным народам, но осуществляющие традиционное хозяйствование и занимающиеся традиционными промыслами малочисленных этносов.

Чем крупнее село, тем больше общин в нём создано. По данным администрации Карагинского района, на Камчатке в 2010 г. в селе Тымлат значилось 9 общин, в районном центре Оссора — 12. В целом по округу в среднем на одно поселение приходилось 5 общин. Конечно, далеко не все они реально работают, и причины тому самые разные: не удалось получить квоту на вылов рыбы или рыболовный участок, не сумели наладить производство, не прошли перерегистрацию, но чаще всего — это малые объёмы квот, не позволяющие работать с выгодой. На юге Дальнего Востока это обычно 10—15 тонн, что обеспечивает внутренние потребности членов общины, но не даёт возможности для развития. Есть общины, которые, получив квоты, предпочитают просто продавать их крупным компаниям. Чаще всего продаются квоты на морскую рыбу, ловить которую общины не в состоянии. Можно сколько угодно критиковать такую практику, но важнее понять, чем она вызвана. В условиях безработицы, отсутствия сколько-нибудь значимых источников денежных доходов, торговля квотами является зачастую единственной возможностью снарядить ребёнка в школу, обновить износившуюся одежду и обувь членам семьи.

Переработкой рыбы общины за редким исключением не занимаются, что отражается и на экономических показателях их работы. Для большинства общин единственно доступный способ сохранения уловов — заморозка. Часть общин имеет собственное холодильное оборудование (скороморозильные аппараты, холодильники, морозильные камеры, рефрижераторные контейнеры и др.), но большинство арендуют его у частных предприятий, администраций муниципальных районов, заключают договоры с рыболовецкими колхозами или рыбозаводами. Холодильное оборудование имеют также некоторые районные ассоциации коренных малочисленных народов. Среди других проблем, мешающих развитию общин, — невозможность получить льготный кредит, слабая материально-техническая база.

При регистрации в перечне видов своей деятельности общины заявляют обычно все отрасли традиционного хозяйства, а также изготовление меховой одежды и обуви, сувениров, обслуживание туристов, домашнее животноводство, заготовку дров, деловой древесины и т.п. Но доминирующим видом деятельности является добыча рыбы. В соответствии с законом о рыболовстве, налоговым и гражданским законодательством, общины — полноценные субъекты осуществления рыболовства. Они не освобождаются от платы за предоставление права вылова, от сбора за пользование объектами водно-биологических ресурсов, не освобождены от налогов на прибыль, от других отчислений как работодатели. В Хабаровском крае для общин, которые выполняют функции градообразующих предприятий

и у которых рыбная продукция образует не менее 70% доходов, плата составляет 15% от общего объема выделенных ресурсов [2, с. 115].

За общинами закреплено приоритетное право на использование водных биоресурсов. На самый главный вид промысла коренных народов — вылов лососёвых — стали выделять квоты на личное потребление и на осуществление традиционной хозяйственной деятельности (общинное рыболовство). Их размеры зависели от объёма возможно допустимого в том или ином районе вылова, который устанавливался на основе данных рыбохозяйственной науки. По этой причине квоты колебались весьма существенно. Квота на личное потребление на юге Дальнего Востока могла составлять, например, 20—30 кг на чел., в то время как на Камчатке — 100—150 кг на чел. и даже больше.

Стремление ограничить современную жизнь коренных народов рамками традиционного (потребительского) рыболовства, вернуть её к формам начала XX в. было изначально обречено на провал. Очень скоро потребительское рыболовство перестало удовлетворять коренных жителей. Недовольство усиливалось по мере того, как росла безработица и бедность. Ведь кроме питания существуют десятки других потребностей, ставших за годы советской власти необходимостью, и все они очень далеки от традиционного образа жизни. Взять хотя бы коммунальные платежи, от которых коренные народы никто не освобождал. Заплатить за квартиру рыбой невозможно, нужны деньги. Однако понятия «традиционный образ жизни», «традиционная хозяйственная деятельность» интерпретировались на местах таким образом, что продажа рыбы стала рассматриваться как несоответствие традиционному образу жизни и даже как злостное браконьерство. Под давлением общественности Правительство РФ в 2009 г. утвердило «Перечень видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов», в него вошла и реализация водных биологических ресурсов. Однако и после этого Дальневосточный научно-промысловый Совет, с подачи Законодательного Собрания Камчатского края, требовал исключить из перечня эту формулировку [1].

Проблемы сбыта продукции традиционного рыболовства не решены до сих пор. Централизованной системы закупки продукции традиционного хозяйства не существует. Люди вынуждены искать обходные и не всегда законные пути. Рыбу продают за бесценок предпринимателям, частным компаниям². Большинство общин, не имея сертифицированного оборудования, а соответственно, и права самостоятельно реализовать продукцию, вынуждено отдавать выловленную рыбу промышленным предприятиям, теряя при этом до 60% её стоимости, либо менять её по бартеру на продукты и товары.

Проблемы со сбытом каждая община решает по-своему и предпочитает о них не распространяться, что само по себе уже говорит о сомнительной

² В Тугуро-Чумиканском районе Хабаровского края ООО «Сонико-Чумикан» принимало в середине 2000-х гг. кету по 2,6 руб. за кг.

законности такой практики. Те, кому удаётся добыть разрешение на продажу, поставляют рыбу в школы или больницы, реализуют её на местных рынках. Наиболее удобный продукт для незаконной реализации — икра, её и заготавливают как можно больше, нанося при этом лососёвому стаду невосполнимый урон. В аэропортах, на вокзалах и автотрассах полиция ежегодно конфискует десятки тонн деликатесного продукта, добытого незаконным путём.

Не меньше проблем с самой организацией промысла, причём с каждым годом они всё более усложняются. Первоначально лимит на личное потребление выдавался на район в зависимости от численности коренных народов, там его делили по поселениям, а местные ассоциации аборигенов создавали бригады, которые ловили рыбу и распределяли её среди жителей. Такая схема предоставления квот показалась очень простой. В практику ввели заявительный принцип. Каждый человек должен написать заявку на получение квоты. В Хабаровском крае, например, подаётся ежегодно 19—20 тыс. заявок. В целом по Дальнему Востоку их число наверняка превышает 50—60 тыс. Рассмотреть такую лавину обращений не просто. У многих чиновников она психологически вызывает отторжение. Отсюда большое число отказов по формальным признакам (нарушение сроков подачи, ошибки при заполнении и т.п.). В результате права на добычу рыбы лишаются многие коренные жители — им не остаётся ничего другого, как стать браконьерами. На юге Дальнего Востока браконьерству способствуют и малые квоты на личное потребление: люди вынуждены ловить сверх установленной нормы. Многочисленные обращения общественных организаций коренных народов, администраций дальневосточных краёв и областей об отмене заявительного принципа результатов пока не принесли.

БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ

По мере того как росло число общин, претендующих на рыболовные участки и квоты, увеличивалось и сопротивление конкурентов в лице различных промысловых компаний, на стороне которых далеко не бескорыстно оказывались многие чиновники³. Конкуренция начинается уже на стадии выделения лимитов на вылов рыбы, промысловых участков и сопровождает весь производственный процесс.

С каждым годом условия занятия традиционным рыболовством осложняются. Отменено внеконкурсное предоставление общинам промысловых участков. Их стали выставлять на конкурс, победить в котором коренные народы не могут. В результате места, где они ловили рыбу десятилетиями, отданы под промышленный лов, добыча рыбы на них считается браконьерством. Взамен выделялись участки с худшими промысловыми

³ В 2009 г. бывший губернатор Сахалинской области Хорошавин получил от предпринимателя 12 млн руб. за разрешение на вылов рыбы [9]. Такую сумму вряд ли собрали бы все сахалинские родовые общины, вместе взятые.

условиями, далеко от места жительства, куда могла попасть не каждая община. Ловить рыбу в районе поселения разрешается только для личного потребления, но и здесь есть свои ограничения. Если у участка имеется хозяин, с ним надо согласовывать условия промысла, и далеко не каждый идёт навстречу. Решить эту проблему в какой-то степени удалось только в Магаданской области. Здесь места традиционного рыболовства коренных народов вывели из перечня рыбопромысловых участков. Они не выставляются на конкурс, находятся в пользовании аборигенов, что позволяет избежать социальной напряжённости. Аналогичные решения готовятся принять на Чукотке. После истечения пятилетних сроков аренды участков, сданных под промышленное рыболовство, они будут возвращены коренным народам. В других регионах данная проблема не решена.

Соппротивление общинному промыслу идёт по разным направлениям. Изменяются инструкции, на основе которых коренные этносы занимаются добычей рыбы. До 2008 г. общины получали квоты на традиционный промысел, независимо от наличия у них промысловых участков, которые были закреплены за ассоциациями аборигенов. После заключения договора с ассоциацией на одном участке могли работать несколько общин. В 2008 г. этот порядок изменили. Общины, не имеющие промысловых участков, перестали получать рыбные квоты. В результате только в Хабаровском крае лишились возможности заниматься промыслом 78 общин из 148 [2, с. 116].

Общины, не имеющие участков, но получившие квоты на добычу рыбы, могли ловить лишь на участках общего пользования, что создавало дополнительные проблемы. Сильно осложнился процесс оформления заявки на промысловый участок. В 2009 г. на Камчатке на аукцион для народов Севера было выставлено 230 рыболовных участков, а получили их всего 20 заявителей. У остальных документы не соответствовали законодательству. Пришлось заново проводить аукционы [5].

По мере того как в рыболовство проникали элементы рыночных отношений (платность использования природных ресурсов, аукционное или конкурсное распределение рыбопромысловых участков и квот на добычу водных биологических ресурсов и др.), проблемы традиционного промысла множились. С начала 2000-х гг. как шагреновая кожа стали сокращаться преференции, предоставляемые общинам в области рыболовства. Ушёл ряд налоговых послаблений, аренда промысловых участков стала платной, уменьшились сроки аренды, труднее стало получать промышленную квоту на вылов рыбы. Федеральный закон «О рыболовстве» (2004) ввёл плату за водные биологические ресурсы, лишил права на традиционное рыболовство сельскохозяйственные муниципальные предприятия коренных народов. На Чукотке по этой причине пришлось в экстренном порядке создавать на базе таких предприятий общины.

С принятием Закона о рыболовстве администрации субъектов Российской Федерации потеряли возможность влиять на политику в этой области. Они лишились контролирующих функций, не имеют отношения

к распределению участков и квот. Предложения о передаче органам исполнительной власти субъектов РФ полномочий по предоставлению квот на вылов анадромных (лососёвых) видов для осуществления традиционного рыболовства звучат давно, но вопрос не решается. У властей в районах нет и желания вмешиваться в этот процесс, поскольку отсутствует материальная заинтересованность. Доля отчислений в бюджет района от добычи рыбы смехотворно мала и составляет 1,5—2%. Местные власти больше обеспокоены тем, чтобы конфликт не вышел за пределы района.

Ситуация особенно осложнилась в 2008 г., когда вступили в силу изменения в ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов», фактически разрушившие ранее действовавшую систему организации традиционного рыболовства. Самой, пожалуй, болезненной стала отмена внеконкурсного предоставления общинам промысловых участков. Из нормативных актов, регулирующих рыболовство, исключён принцип приоритетности предоставления водных биоресурсов представителям коренных малочисленных народов. Общинам предлагается заниматься коммерческим рыболовством на общих основаниях с промышленными предприятиями, хотя конкурировать с ними они не в состоянии.

Скрытый смысл подобных предложений очевиден: распространить право на традиционное рыболовство только на физических лиц из числа коренных малочисленных народов, лишив этого права их хозяйственные объединения: общины, национальные предприятия и пр. При этом упускается из виду, что многие общины выполняют функции градообразующих хозяйств, участвуют в социально-экономическом развитии сёл и муниципальных образований. Исключение общин из традиционного рыболовства, распространение на них правил, по которым работают крупные компании, будет означать неизбежную ликвидацию общинного рыболовства в силу его неконкурентоспособности, приведёт к обострению социально-экономической обстановки в сёлах: росту безработицы, нищеты и социальной напряжённости.

Многие положения нормативных актов по рыболовству противоречат реалиям современной жизни коренных народов. До недавнего времени заявку на выделение квот можно было подать в рукописном виде. Очередной приказ Росрыболовства изменил этот порядок: принимаются лишь напечатанные заявки. Данное новшество чуть не сорвало заявочную кампанию 2017 г. на Камчатке. Администрации края пришлось договариваться с территориальным управлением Росрыболовства, чтобы заявки в виде исключения принимались так, как люди привыкли их подавать. В будущем, однако, исключений не будет. На Камчатке убеждены: если новые правила не отменят, часть населения в удалённых районах края права на рыбные квоты в 2018 г. не получит [7].

Запретительные приказы Росрыболовства множатся. Запрещено использование в традиционном рыболовстве при добыче лососей маломерных судов. Ограничена в 2 раза длина неводов, уменьшена глубина, с которой можно добывать рыбу, ставить сети разрешается с 8 утра до 8 вечера.

Свою лепту в запретительный марафон вносит рыбохозяйственная наука. С 2016 г. запрещён промысел лососей на реках Тумнин и Коппи (Хабаровский край). Живущие здесь орочи должны добывать рыбу для личного потребления только в море, за десятки километров от села. Попасть туда могут очень немногие. Учёные ТИНРО обосновывают запрет на рыбалку в нерестовых реках катастрофическим сокращением поголовья лосося. Опасения не беспочвенны, но совершенно очевидно и то, что источником оскудения запасов лососёвых в Хабаровском крае являются не коренные народы.

Нередко нормативные документы вступают в противоречие друг с другом, блокируя тем самым возможности традиционного промысла. Так, например, в соответствии с приказом Росрыболовства № 375 от 30 апреля 2008 г., коренным народам выделялись квоты на тихоокеанских лососей не только во внутренних водах и территориальном море, но и в исключительной экономической зоне РФ (морской район за пределами территориального моря). Однако другой приказ этого же ведомства (от 11 апреля 2008 г.) разрешал добычу только в местах проживания аборигенов.

Нормативные акты не всегда учитывают природно-климатические условия территории хозяйственной деятельности коренных народов. В частности, в соответствии с правилами рыболовства в Дальневосточном бассейне, коренные народы должны добывать корюшку в низовьях Амура с конца февраля, а также в апреле и мае только закидными неводами, но пользоваться ими в это время совершенно невозможно: Амур освобождается ото льда в конце мая. Корюшку можно было бы ловить ставными неводами, однако они запрещены.

С подобной проблемой при лове корюшки в 2016 г. столкнулись на Камчатке. В соответствии с приказом Росрыболовства, с 1 мая по 30 сентября был введён запрет на традиционное рыболовство сетными орудиями всех видов водных биоресурсов, кроме лосося и гольца. Между тем, в этот период на Камчатке идёт массовый ход корюшки, которую по традиции ловят закидными неводами или запорами. Запрет на использование сетей, к коим приравнивали и запоры, лишил коренные народы возможности сделать необходимые запасы этой рыбы. Подобные нестыковки вынуждены «разруливать» местные власти, что требует немало времени и далеко не всегда приносит результаты.

В декабре 2016 г., под давлением общественного мнения, поддержанного и местными органами власти, в Федеральном агентстве по рыболовству состоялось обсуждение скандальных новаций в правилах рыболовства по Дальневосточному бассейну в части вылова корюшки. Принято решение отменить непродуманные ограничения. Одновременно решено упростить отчётность по вылову для общин, не использующих суда и рыбопромысловые участки. До этого сведения о добыче необходимо было предоставлять ежеквартально, не позднее 15-го числа месяца, следующего за отчётным периодом, что для многих являлось нереальным.

Проблемы, с которыми сталкиваются коренные народы в борьбе за право осуществлять рыболовство, зачастую трудно понять здравомыслящему

человеку: кто-то не предоставил свидетельства о рождении, кто-то не в том месте поставил подпись. Амурское территориальное управление Росрыболовства в Хабаровске отказало в предоставлении квоты на вылов кеты одному из жителей с. Даерга на том основании, что в свидетельстве о рождении его дочери, от имени которой была оформлена заявка, он значился как русский. Потребовалось вмешательство Генеральной прокуратуры РФ, чтобы восстановить справедливость [6]. Подобные случаи не единичны. Женщине могут отказать в праве на вылов рыбы после того, как у неё изменится фамилия. Родители могут ловить рыбу за своего ребёнка только до его совершеннолетия, после этого они такое право теряют. Женщина не вправе передать разрешение на вылов своим родственникам. Жалобами на подобные абсурдные установления во всех регионах Дальнего Востока переполнен Интернет.

Жертвами в борьбе на уничтожение являются не только общины коренных народов. Нежелательными субъектами хозяйственной деятельности в области рыболовства стали даже некоторые рыболовецкие колхозы. На их плечах лежат расходы по поддержанию нормальной жизни сёл, где они расположены: обеспечение водой, топливом, транспортом, ремонт жилых и общественных зданий, строительство. Всё это они могут выполнять в том случае, если будут ловить рыбу. Между тем наметилась опасная тенденция: крупные компании вытесняют из рыбного промысла колхозы.

В соответствии с Законом о рыболовстве, предоставление промысловых участков возможно только по результатам конкурса. Торги проводят территориальные управления Федерального агентства по рыболовству. Победителя определяют по числу баллов, которые начисляются по четырём критериям. Два из них (суточная мощность обработки рыбы предприятием и сумма, которую готов уплатить участник аукциона за участок) являются определяющими. Рыболовецкие артели не в состоянии конкурировать по этим показателям с крупными компаниями и лишаются промысловых участков. У старейшего на Нижнем Амуре колхоза «Ленинец» к 2008 г. из 18 участков осталось три. Колхоз лишился даже тех участков, где десятилетиями создавал производственную инфраструктуру. Они отошли к хабаровской компании «Восточный рыбокомбинат».

Между тем для «Восточного рыбокомбината» Нижний Амур лишь место получения прибыли. С жизнью нижеамурских сёл компания никак не связана. Большинство из её рыбаков — приезжие, расчёт с ними производится наличными, в отчётах показывается минимальный фонд оплаты труда, соответственно и единый социальный налог выплачивается по минимуму. Колхоз «Ленинец» тратит на поддержание жизни национального села треть своей прибыли. «Восточный комбинат» — ни копейки. За первое полугодие 2009 г. от колхоза «Ленинец» поступило налоговых платежей более 3 млн руб., а от «Восточного комбината» — лишь 960 тыс.

Проблема не только в условиях конкурсов, но и в их соблюдении. Показатели колхоза «Ленинец» в оценочных таблицах, по которым определялся победитель, оказались сильно занижены. На эти обстоятельства обратил

внимание арбитражный суд, рассматривавший иск «Ленинца» и выявивший, что у колхоза должно было быть 66 баллов, а не 19, как определила конкурсная комиссия. Однако вот что любопытно. Прокуратура, проверявшая законность проведения конкурса, не согласилась с нарушениями, отмеченными арбитражным судом. Невольно возникает вопрос: что же это за условия, если два органа, призванных следить за законностью, дают им разные толкования?

То, что происходит на Нижнем Амуре, и не только там, очень напоминает целенаправленную компанию по вытеснению из рыболовства традиционных пользователей, способных составить конкуренцию пришлым бизнесменам. К чему это приводит, можно судить на примере колхозов им. Блюхера и «Нижние Пронги». Войдя в состав крупной компании «Босантур», они практически утратили самостоятельность — работы лишилось всё местное население. На путине стали трудиться исключительно приезжие. Если с подобными проблемами сталкиваются крупные, хорошо известные в регионе хозяйства с богатой историей, что уж говорить об общинах?

Чтобы отказать коренным народам в квотах и рыболовных участках, используют любые уловки. От научных учреждений требуют доказать: действительно ли рыболовство — исторически сложившаяся часть традиционного образа жизни аборигенов; является ли продукция рыболовства для них жизненно необходимой; насколько значимо рыболовство для коренных народов, живущих в городах и т.д., и т.п. В поисках нужных ответов обращаются к экспертам, о которых обычно говорят «слышал звон, да не знает, где он». Один из таких «экспертов» — заведующий лабораторией Хабаровского филиала ТИПРО С.Ф. Золотухин — выступил в 2014 г. в ведомственном журнале с безграмотной статьёй, в которой утверждал, что все амурские народы, за исключением нивхов, не являются коренными и что рыба для них всегда была второстепенной пищей [4, с. 220]. Надо ли говорить, что подобные «экспертные заключения» — настоящий бальзам для тех, кто стремится избавиться от докучливых конкурентов в столь прибыльном рыбном бизнесе. Нет смысла дискутировать с подобными «исследованиями»: они носят откровенно заказной характер.

ПРОБЛЕМЫ, ПРОБЛЕМЫ, ПРОБЛЕМЫ

Проблемы традиционного рыболовства коренных малочисленных народов продолжают обостряться. При этом их решение в Москве (Минрегионразвития, Росрыболовство) и на местах видят по-разному. Чиновники от рыболовства, следуя государственной политике возрождения исконного образа жизни коренных народов, стремятся распространить приоритетное право на рыболовство только на их часть: предполагается разработать специальный реестр лиц, ведущих традиционный образ жизни и традиционную хозяйственную деятельность, и выделять им рыбные

квоты *исключительно для личных нужд* (выделено нами — *В.Т.*). Соответствующая поправка в Закон о рыболовстве уже разработана и вынесена на общественное обсуждение. Если она будет принята, число представителей коренных народов, обладающих приоритетным правом в области рыболовства, сократится в десятки раз. Именно этого и добиваются в Росрыболовстве. Как это отразится на жизни другой части коренного населения — об этом думать не хочется.

Стремление связать преимущественное право коренных этносов на промысел рыбы с понятиями «традиционный образ жизни» и «традиционная хозяйственная деятельность», какими они были 100 лет назад, ошибочно изначально. Такого образа жизни давно не существует, в традиционных отраслях хозяйства на российском Севере, по данным Госкомсевера, в середине 1990-х гг. было занято не более 10% коренных жителей [ГАРФ. Ф. 10102. Оп. 1. Д. 98. Л. 21]. Сейчас их ещё меньше. В этих условиях делить аборигенные сообщества на «чистые» и «нечистые» могут только те, кто совершенно не представляет, как живёт сегодня национальное село.

В современных условиях традиционность жизни определяется не формами жизнедеятельности, существовавшими в далёком прошлом, а самим фактом жизни на селе. Именно сельский образ жизни и является сегодня традиционным. Соответственно, и преимущества в области рыболовства, предоставляемые российским законодательством коренным народам, должны распространяться на всех живущих на селе, тем более что абсолютное большинство даже тех, кто ещё получает зарплату от государства, не в состоянии прожить без рыболовства, собирательства, других видов традиционного природопользования.

Органы власти в дальневосточных краях и областях беспокоит главным образом рост числа общин, особенно таких, которые к коренным малочисленным народам имеют сомнительное отношение. Под видом общин добычу рыбы в промышленных масштабах действительно ведут откровенные браконьеры. Особенно остра эта проблема на Камчатке, где почти нет других возможностей для развития экономики. Русское старожильческое население, на которое право коренных народов на рыбу для личного потребления не распространяется, испытывает не меньшие потребности в рыбе.

Выход из ситуации видят в том, чтобы пересмотреть нормативные акты, предоставляющие аборигенам преимущества, поскольку традиционное рыболовство начинает подменяться коммерческим, и даже исключить из Закона о рыболовстве само понятие «традиционное рыболовство». Коренные малочисленные народы рассматриваются на Камчатке как главная угроза промышленному рыболовству. С традиционным рыболовством связывают обострение безработицы, ухудшение социально-экономического развития региона и даже обострение межнациональных отношений. Отсюда предложение — лишить коренные этносы полагающихся им льгот в области рыболовства, уравнивать общины с промышленными предприятиями со всеми вытекающими отсюда последствиями. То,

что в конкурентной борьбе за ресурсы с промышленными организациями общины никогда не будут победителями, мало кого беспокоит. Речь по существу идёт о том, чтобы лишить малочисленные народы возможности принимать активное участие в экономической жизни страны в доступных для них формах, а это вполне возможно рассматривать как один из видов дискриминации.

Общины коренных народов изначально не рассматривались в качестве равноправных участников экономической жизни. Именно поэтому ими никто никогда всерьёз не занимался. Между тем таких экономических структур по Дальнему Востоку уже сотни. Налицо целый кластер новой региональной экономики. Давно пора иметь для него специальный орган управления. Всё это, однако, власть на местах мало интересуется. Существующая ситуация её вполне устраивает, поскольку позволяет сбросить с себя ответственность за судьбу традиционного рыболовства, а вместе с ним и судьбу самих коренных народов. Органы власти «просыпаются», когда их собственная бездеятельность оборачивается неприятностями. Вместо того, чтобы начать систематическую работу с общинами по пути их трансформации от потребительского к товарному рыболовству и на этой основе создать приемлемые условия жизни в национальных сёлах, они выступают в привычном ключе — запретить!

Планомерная реорганизация наиболее успешных общин в субъекты малого бизнеса могла бы стать первым шагом на пути возрождения экономики национальных сёл. В этом случае они будут иметь возможность получить государственную поддержку в рамках программ развития малого и среднего предпринимательства, действующих практически во всех краях и областях Дальнего Востока. Поскольку традиционную хозяйственную деятельность коренных народов Москва считает приоритетной, они могли бы рассчитывать на получение такой поддержки в первоочередном порядке. Речь, в частности, может идти о получении субсидий на расширение производства, гарантий по кредитам, субсидировании части затрат, связанных с уплатой процентов по кредитам, и т.п. Решение этого вопроса будет содействовать трудовой занятости, повышению качества жизни аборигенного населения, его национально-культурному развитию [13]. К сожалению, самостоятельно справиться с данной проблемой общины не в состоянии, а органы власти на местах очень далеки от подобных проблем.

Другой вопрос, требующий решения вот уже почти два десятка лет, связан с процедурой установления национальной принадлежности, на основании которой коренным народам предоставляются те или иные преференции. Распределение рыбных квот, регистрация общин, конкурсы по закреплению промыслового участка, контроль промысловой деятельности аборигенов, так или иначе, упираются в проблему национальной принадлежности. Этот вопрос стал камнем преткновения и при решении других жизненных ситуаций. Без документа о принадлежности к малочисленным народам невозможно оформить социальную пенсию, получить отметку в охотничьем билете о том, что его владельцу разрешена охота в целях

обеспечения традиционного образа жизни и традиционной хозяйственной деятельности, и в ряде других сложных моментов.

Эта проблема возникла через год после принятия Закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов»: выяснилось, что его невозможно применять на практике. В паспортах к этому времени графа о национальности уже отсутствовала, и было неясно, на кого распространяется действие данного закона. Первыми забили тревогу в Якутии. Государственное собрание республики в порядке законодательной инициативы подготовило проект ФЗ «О внесении дополнений в Закон „О гарантиях прав коренных малочисленных народов“». Он предусматривал разрешить субъектам РФ, где живут коренные народы, вносить в паспорта дополнительные страницы с графой «национальность», а также распространить действие закона на лиц коренных национальностей, живущих за пределами территории традиционного проживания. Министерство по делам Федерации дало, однако, отрицательное заключение по законопроекту [ГАРФ. Ф. 10156. Оп. 1. Д. 340. Л. 47—48].

В Правительстве РФ (Министерство регионального развития) и по сей день считают, что такой механизм не нужен. Тем не менее все федеральные и местные программы поддержки и развития коренных народов продолжают «танцевать от печки» национальной принадлежности. В Республике Саха (Якутия) проблема документального подтверждения национальной принадлежности на основе вкладышей к паспортам была всё-таки решена. В краях и областях Дальнего Востока, несмотря на неоднократные обращения по этому поводу к правительству законодательных и исполнительных органов власти регионов и общественных организаций коренных народов, всё осталось по-прежнему. Предложений по решению проблемы множество [10], но объём статьи не позволяет привести их даже конспективно. Однако совершенно очевидно, что вопрос этот надо решать.

Не менее важно и другое. Каждый регион Дальнего Востока имеет исторически сложившиеся особенности в сфере рыболовства (видовой состав биоресурсов, традиции их потребления, способы добычи). Федеральный закон о рыболовстве и нормативные акты их не учитывают, что и порождает многие проблемы. Необходимо менять подходы к формированию законодательной базы в области рыболовства коренных народов. В Федеральном законе должны отражаться лишь концептуальные положения организации промысла коренными народами и их общинами. Всё остальное должно содержаться в законодательстве субъектов РФ. На местах лучше знают, как и что надо делать. Между тем, как уже говорилось, от принятия решений в области организации рыболовства коренных народов органы государственной власти субъектов Российской Федерации с самого начала были практически отстранены.

Эти и многие другие проблемы традиционного рыболовства неоднократно обсуждались на различных форумах, были предметом слушаний в Совете Федерации Федерального Собрания РФ. Известны многочисленные рекомендации по их устранению, однако ситуация не меняется.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бережков Д. Проблемы традиционного рыболовства коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ на примере Камчатского края // PEOPLES-RIGHTS.RU: информационный портал. URL:<http://www.peoples-rights.ru/problemu-tradicionnogo-rybolovstva-korennykh-malochislennykh-narodov-severa-sibiri-i-dalnego-vostoka-rf-na-primere-kamchatskogo-kraja> (дата обращения: 12.04. 2017).
2. Волкова Г.М. Проблемы традиционного рыболовства коренных народов на примере Хабаровского края. Пути решения // Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. М.: Издание Совета Федерации, 2012. С. 113—118.
3. Донской Ф.С. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока во второй половине XX века. Т. 1. Якутск: ЯФ Изд-ва СО РАН, 2002. 340 с.
4. Золотухин С.Ф. К пониманию истории и современных проблем традиционного рыболовства малочисленных народов Хабаровского края // Известия ТИНРО. Владивосток, 2014. Т. 179. С. 220—225.
5. Народовластие. Палана. 2009.19 мая.
6. После вмешательства заместителя Генерального прокурора Российской Федерации Юрия Гулягина восстановлены права представителя коренных малочисленных народов на предоставление в пользование биоресурсов // GENPROC.GOV.RU: сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://genproc.gov.ru/smi/news/subjects/news-1141293> (дата обращения: 21.02.2017).
7. Проблемы традиционного промысла КМНС обсудили на Камчатке // POLUOSTROV-KAMCHATKA.RU: электронная летопись Камчатского края. URL: <http://www.poluostrov-kamchatka.ru/pknews/detail.php?print=&ID=128295> (дата обращения: 11.03.17).
8. Роон Т.П. Промышленное освоение и правовые проблемы коренных народов Сахалина (90-е годы) // Известия Института наследия Б. Пилсудского, 1998. № 1. С. 146—155.
9. Суд над экс-губернатором Сахалинской области Александром Хорошавиным // Комсомольская правда. 2017. 28 февраля.
10. Тодышев М.А. О проблемах документального подтверждения принадлежности граждан к коренным малочисленным народам // Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. М.: Издание Совета Федерации, 2012. С. 238—253.
11. Федеральный Закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» // Российская газета. 1999. 12 мая.
12. Хаховская Л.Н. Коренные народы Магаданской области в XX — начале XXI вв. Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 2008. 229 с.
13. Шарахматова В.Н. Развитие предпринимательства родовых общин на основе рационального использования природных ресурсов Камчатского края. Петропавловск-Камчатский: Изд. КамчатГТУ, 2013. 156 с.
14. ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации).

REFERENCES

1. Berezhkov D. *Problemy tradicionnogo rybolovstva korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka RF na primere Kamchatskogo kraja* [Problems of traditional fisheries of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation on the example of Kamchatka region]. Available at: <http://www.peoples-rights.ru/problemu-tradicionnogo-rybolovstva-korennykh-malochislennykh-narodov-severa-sibiri-i-dalnego-vostoka-rf-na-primere-kamchatskogo-kraja> (accessed 12.04. 2017). (In Russ.)

2. Volkova G.M. Problemy tradicionnogo rybolovstva korennyh narodov na primere Habarovskogo kraja. Puti reshenija [The problems of traditional fisheries of indigenous peoples on the example of the Khabarovsk territory. Solutions]. *Sovremennoe sostojanie i puti razvitija korennyh malochislennyh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka RF* [Modern state and ways of development of indigenous peoples of the North, Siberia and the Russian Far East]. Moscow, Publishing Council of the Federation Publ., 2012, pp. 113—118. (In Russ.)
3. Donskoj F.S. *Korennye malochislennye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka vo vtoroj polovine XX veka. T. 1.* [Indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East in the second half of the 20th century. Vol. 1]. Yakutsk, JaF Izd-va SO RAN Publ., 2002, 340 p. (In Russ.)
4. Zolotuhin S.F. K ponimaniju istorii i sovremennyh problem tradicionnogo rybolovstva malochislennyh narodov Habarovskogo kraja [Understanding the history and contemporary problems of traditional fishery of indigenous peoples of the Khabarovsk territory]. *Trudy TINRO*. Vol. 179, Vladivostok, 2014, pp. 220—225. (In Russ.)
5. *Narodovlastie. Palana*. 2009, May 19. (In Russ.)
6. *Posle vmeshatel'stva zamestitelja General'nogo prokurora Rossijskoj Federacii Jurija Gulja-gina vosstanovleny prava predstavitelja korennyh malochislennyh narodov na predostavlenie v pol'zovanie bioresursov* [After the intervention of Deputy Prosecutor General of the Russian Federation Yuri Gulyagin the rights of the representative of the indigenous peoples to the provision of biological resources were restored]. Available at: <http://genproc.gov.ru/smi/news/subjects/news-1141293> (accessed 21.02.2017). (In Russ.)
7. *Problemy tradicionnogo promysla KMNS obsudili na Kamchatke* [Problems of traditional hunting of indigenous peoples were discussed in Kamchatka]. Available at: <http://www.poluostrov-kamchatka.ru/pknews/detail.php?print=&ID=128295> (accessed 11.03.17). (In Russ.)
8. Roon T.P. Promyshlennoe osvoenie i pravovye problemy korennyh narodov Sahalina (90-e gody) [Industrial development and legal problems of indigenous peoples of Sakhalin (1990s)]. *Izvestija Instituta nasledija B. Pilsudskogo. Vyp. 1.* [News of the Institute of Heritage B. Pilsudski. Issue 1]. Yuzhno-Sakhalinsk, 1998, pp. 146—155. (In Russ.)
9. Sud nad ehks-gubernatorom Sahalinskoj oblasti Aleksandrom Horoshavinym [The trial of the ex-governor of the Sakhalin region Alexander Khoroshavin]. *Komsomol'skaya pravda*, 2017, February, 28. (In Russ.)
10. Todyshev M.A. O problemah dokumental'nogo podtverzhdenija prinadlezhnosti grazhdan k korennyim malochislennyim narodam [The problems of documentary confirmation of citizens' belonging to the indigenous peoples]. *Sovremennoe sostojanie i puti razvitija korennyh malochislennyh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka RF* [Current state and ways of development of indigenous peoples of the North, Siberia and the Russian Far East]. Moscow, Izdanie Soveta Federacii Publ., 2012, pp. 238—253. (In Russ.)
11. Federal'nyj Zakon "O garantijah prav korennyh malochislennyh narodov RF" [The Federal Law "On Guarantees of the Rights of Indigenous Peoples of the Russian Federation"]. *Rossijskaya gazeta*, 1999, May, 12. (In Russ.)
12. Hahovskaja L.N. *Korennye narody Magadanskoj oblasti v XX — nachale XXI vv.* [Indigenous peoples of the Magadan region in the 20th — beginning of the 21st century]. Magadan, SVNC DVO RAN Publ., 2008, 229 p. (In Russ.)
13. Sharahmatova V.N. *Razvitie predprinimatel'stva rodovyyh obshhin na osnove racional'nogo ispol'zovanija prirodnyh resursov Kamchatskogo kraja* [Entrepreneurial development of tribal communities on the basis of rational use of natural resources of the Kamchatka region]. Petropavlovsk Kamchatskij, Izd. Kamchat GTU Publ., 2013, 156 p. (In Russ.)